

либо, стало быть, знатно, в частицах *де, буде, та, тка, ей, ей-ей* и др.

Церковно-книжная лексика встречается главным образом в письмах церковнослужителей, а лексика церковного обихода — и в письмах крестьян и ремесленников: *дщерь, трапеза, долгоденствие, единородный, кафижа, вельми, воистину, аторицей, егда, елико*. Полногласные и неполногласные формы употребляются параллельно, но полногласные преобладают — так, полногласная форма *здоровье* употребляется 136 раз, а *здравие* только 65 раз; наречие *вкупе* — 7 раз, *купно* — 3 раза, а русская форма *вместе* — 22 раза.

На фоне разговорно-бытовой речи четко выделяются иноязычные слова, хотя их сравнительно немного, например, *бурмистр* (№ 63, 385, 386, 393, 394, 400, 429), *концерт* (№ 511), *карабин* (№ 235, 239), *рейтар* (№ 224, 330), *рейтарский* (№ 330), полонизмы *шлях* (№ 238, 239, 248, 249), *шляхетский* (№ 225), *коштовано* (№ 227), *пан* (№ 224, 225, 226), *субтельный* (№ 311).

Зачины и особенно концовки грамот обычно стереотипны. Это отметил Л. П. Якубинский: «Известно, что зачины и концовки грамот являются наиболее традиционными их частями и могут сохранять вследствие этого архаичные черты языка»⁴. Но возможны и некоторые вариации, ср.: «а я тебе челом бью» (№ 11); «потом бога моля челом бью» (№ 30); «по том тебѣ челом бью» (№ 10, 15); «много челом бью» (№№ 4, 7, 61, 71, 76 и др.); «рабский челом бью» (№№ 1, 5, 64); «челом бью до лица земнаго» (№ 79); «и пад на землю да лица земного челом бью» (№ 512). Наряду с архаическими концовками на рубеже XVII—XVIII вв. в письмах встречаются уже и новые концовки: «При сем вашему благородию... кланяюся» (№ 36); или: «За сим раб твой Кошицев отдаю поклон» (№ 31). В послед-

ней концовке — своеобразное сплетение старых и новых форм обращения.

Составители книги и редактор проделали большую и очень кропотливую работу и ввели в научный обиход более пяти сот писем. Книга снабжена тремя указателями: 1) слов (стр. 328—378); 2) личных имен (стр. 379—400); 3) географических названий (стр. 401—405). Это значительно облегчает пользование книгой.

Следует отметить и некоторые недочеты издания. В словоуказателях встречаются пропуски. В них нет ссылок на страницы и строки издания, составители ограничились лишь указанием на нумерацию писем, что значительно затрудняет пользование книгой, так как нередко письма имеют значительный объем в несколько страниц. В книге почти отсутствует комментарий, в конце каждой грамоты имеются лишь отдельные указания на некоторые различия. Отсутствие развернутого комментария является серьезным недостатком книги. Следовало бы дать большее количество снимков и улучшить качество их воспроизведения.

Но эти отдельные недочеты и пробелы не снимают ценности издания. Публикация такого огромного количества писем вводит в научный обиход богатейший материал, по которому можно изучать процесс формирования русского национального языка, особенности его фонетического строя и грамматической системы, его лексики и фразеологии, его стилистических пластов. В грамотах содержатся интересные факты диалектного характера, материалы по топонимике, ономастике и исторической географии, хронологии, нумизматике, палеографии.

Несомненно, что книга «Грамоты XVII — начала XVIII века», вышедшая под редакцией С. И. Коткова, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению истории русского языка она; является существенным вкладом в теорию и практику лингвистического источниковедения.

Е. А. Васильевская

⁴ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 288.

А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л., изд-во «Наука», 1970, 263 стр.

Новая книга А. М. Бабкина, крупного советского лексикографа, «Русская фразеология, ее развитие и источники» появилась в период активных поисков новых решений, когда открываются новые аспекты фразеологических исследований, вырабатываются новые методы. Известное распространение получает контекстологический метод; активно развивается стилистическое исследование фразеологии. Принципиально новый подход к

фразеологии обнаруживается в структурно-типологических исследованиях; решения теоретических вопросов предлагаются с позиций формализованных, математических методов; создаются основы моделированного изучения фразеологии. Новые методы и подходы к вопросам фразеологии порождают различные интерпретации фразеологических явлений, в качестве основных выделяются такие их свойства, в зависимости от которых сме-

падают границы фразеологического состава¹. В обстановке созданных трудностей фразеологи часто вообще уходят от решения главного вопроса фразеологии — определения объема и содержания понятия фразеологической единицы². Все это осложняется необычайной запутанностью терминологии³.

Теоретические трудности в известной мере осложняются очень слабым развитием исторической фразеологии и фразеографии⁴. Именно поэтому столь актуальна монография А. М. Бабкина, в которой ставится целый ряд вопросов, связанных с формированием основ этих двух «базисных» для фразеологии разделов языкознания.

За последние двадцать лет круг работ по исторической фразеологии пополнился преимущественно за счет или весьма разнообразных по задачам и разбросанных по разным изданиям очерков и этюдов по истории отдельных устойчивых сочетаний, или описаний фразеологии отдельных памятников литературной речи (например, «Поучения» Владимира Мономаха или «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и др.), или исследований отдельных групп устойчивых сочетаний на ограниченном литературно-книжном материале (например, медицинской терминологической фразеологии и т. п.).

Почти отсутствуют работы, специально посвященные системному описанию фразеологического состава русского языка и его изменений в определенные исторические периоды.

Одним из главных препятствий для развития исторической фразеологии является отсутствие хотя бы минимально удовлетворительных словарей. Исключение составляет лишь словарь М. М. Михельсона, отражающий состояние фразеологии в конце XIX в., но он охватывает лишь небольшую часть фразеологического состава; составленный лингвистом, он отличается неполнотой справок и описаний, ненадежностью многочисленных сведений. Словарь под редакцией А. И. Молоткова охватывает очень ограниченную часть фразеологии.

В создавшейся ситуации одной из первоочередных задач является описание и характеристика функционирования и раз-

вития фразеологического состава в относительно ограниченные и более или менее четко определенные периоды развития языка.

В обстановке активного расширения круга фразеологических исследований в 40—60-е годы XX в. стал особенно очевиден и ощутим недостаток обобщающих работ в этой отрасли языкознания, в которых было бы представлено целостное осмысление весьма разнородных явлений, осуществлен свод различных материалов и были бы определены взаимосвязи отдельных элементов и их комплексов внутри лексико-семантической и грамматической систем языка, а также основные направления развития фразеологического состава языка. Появление монографии А. М. Бабкина отвечает насущным запросам современной фразеологии.

Всем своим содержанием книга утверждает классические, «содержательные» методы исследования фразеологии, вызывает к историческому ее изучению и мастерским анализом конкретного материала еще раз подтверждает один из методологических постулатов Ф. П. Филина: «Преобладающее значение в человеческом познании всегда имели и имеют методы „содержательные“, а формальные методы, безусловно важные и нужные, играли и играют вспомогательную роль»⁵.

Книга состоит из «Введения» (стр. 3—7) и трех глав: «Фразеологизм и слово» (стр. 8—105), «Источники фразеологии» (стр. 106—215) и «Иноязычные выражения» (стр. 216—254); к книге приложен (помимо «Списка сокращений», стр. 255), «Указатель фразеологизмов и выражений» (стр. 256—262).

Каждая из глав представляет собой серию филигранно выполненных лингвистических этюдов, подчиненных определенным теоретическим задачам. В первой главе раскрывается ряд особенностей фразеологизмов при сопоставлении их со словом в функциональном и семантическом аспектах, причем особое внимание уделяется именно функциональным особенностям. Традиционно в фразеологии (начиная с работ В. В. Виноградова⁶) на первый план выдвигалась семантика. Стремление рассматривать фразеологизацию «прежде всего как семантическое явление, заключающееся в слиянии (объединении) нескольких лек-

¹ См.: В. Н. Телля, Что такое фразеология, М., 1966, стр. 84.

² См.: Н. М. Шанский, Лексикология современного русского языка, М., 1964, стр. 167.

³ См. об этом: С. И. Ожегов, О структуре фразеологии, «Лексикографический сборник», II, М., 1957, стр. 37.

⁴ См. об этом: Н. Н. Амосова, О диахроническом анализе фразеологических единиц, сб. «Исследования по английской филологии», III, [Л], 1965, стр. 101.

⁵ Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, в кн. «Язык и общество», М., 1968, стр. 10.

⁶ См., например: В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», V, Секция филологических наук, 1946; его же, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947.

сических значений в одно»⁷, представлено и в работах последних лет. А. М. Бабкин принципиально расширяет аспект интерпретации фразеологической единицы: сознавая глубокую взаимосвязь смыслового содержания фразеологической единицы с ее речевыми функциями, он рассматривает ее не только как семантическое, но и как функциональное явление. Такой подход к устойчивому сочетанию, который А. М. Бабкин обнаруживает в целом ряде работ⁸, мы считаем перспективным и более всего отвечающим истолкованию фразеологии с позиций ленинской теории отражения⁹.

Именно с этих позиций следует оценивать первую главу книги, в которой освещение с точки зрения функциональной получают такие вопросы, как эволюция фразеологического запаса, семантическое намагничивание целостным значением фразеологизма отдельных слов (стр. 54) и др.

В. Г. Адмони, прав, утверждая, что «язык для своего раскрытия нуждается в большем числе подходов и аспектов». Он покоится не на какой-то одной точке, а на множестве опор¹⁰. Это вполне соответствует известному постулату В. И. Ленина: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“»¹¹. Естественно, что и в фразеологии важны все аспекты исследования.

Однако, исходя из опыта исследований А. М. Бабкина и собственных наблюдений, мы приходим к убеждению, что на данном этапе развития фразеологии именно в функционально-семантическом аспекте открываются наибольшие возможности для решения теоретических и практических вопросов фразеологии. Такой подход позволяет А. М. Бабкину вскрыть важные

закономерности становления семантического содержания фразеологической единицы во всем многообразии ее речевых функций. Это очень важно для воссоздания общей картины развития фразеологического состава.

Фразеологизмы анализировались в сопоставлении со словом уже в целом ряде работ¹². Однако А. М. Бабкин дает своеобразный материал и заключения с позиций фразеографических. Его интересуют такие важные для фразеографа явления, как семантическое перерождение слова в составе фразеологизма (стр. 28), контаминация (стр. 29), редуцированные формы фразеологических единиц (стр. 46), формирование новых значений у фразеологизмов (фразеологическая полисемия еще совсем недавно отрицалась), критерии выявления синонимических отношений фразеологизмов (стр. 81), причины ошибочных толкований фразеологизмов, синтаксическое распространение устойчивого сочетания (стр. 13) и др.

Вторая глава «Источники фразеологии» вызывает особый интерес не только своим разнообразным и обильным историко-этимологическим материалом, но и самой постановкой проблемы. Автор не пытается дать, как это обычно принято, классификационный обзор материала, сознавая трудность и несвоевременность фронтального диахронического анализа фразеологии.

Подчиняя диахронический анализ значительного ряда фразеологических единиц фразеографическим задачам, А. М. Бабкин дает образцы академического препарирования фразеологического факта. Глубоко и тонко раскрывая источник происхождения, мотивировку и эволюцию значения, он показывает фразеологическую единицу во всем богатстве ее семантики, во всем разнообразии ее стилистических вариантов и нюансов. Диахронический анализ фразеологизмов *дворянское гнездо* (стр. 121—124) *кусильная барышня* (стр. 129—141), *борьба за существование* (стр. 143—144), *святая святых*, (стр. 151—162), *не от мира сего* (стр. 162—169), *на вы, на ты* (стр. 190—211) может быть признан образцом подготовки словарных статей для Академического словаря русской фразеологии. Вот почему рецензируемую монографию следует рассматривать как органическое продолжение теоретической работы А. М. Бабкина¹³. Исходя из принципов,

⁷ См., например; О. О з а р о в с к и й, К характеристике безличнопредикативных фразеологизмов в современном русском языке, «Уч. зап. филолог. факта [Киргизского ун-та]», 10 — Славянский сборник, II, Фрунзе, 1964, стр. 170.

⁸ См., например: А. М. Б а б к и н, Разряды фразеологических единиц и принципы их отбора для фразеологического словаря, «Тезисы докладов на IX координационном совещании по вопросам фразеологии 14—16 октября 1964 г. в Баку», Баку, 1964, стр. 4.

⁹ См. об этом: С. Г. Г а в р и л. Проблема систематизации устойчивых сочетаний современного русского языка в функциональном аспекте, «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 160, II, 1966, стр. 264.

¹⁰ В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 5.

¹¹ В. И. Л е н и н, Еще раз о профсоюзках, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина, Полн. собр. соч., 42., стр. 290.

¹² См., например: В. П. Ж у к о в, Фразеологизм и слово. Докт. диссерт., Л., 1967. Монография А. М. Бабкина сдана в печать еще в 1966 г.

¹³ См.: А. М. Б а б к и н, Лексикографическая разработка русской фразеологии, М.—Л., 1964; е го ж е, Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка. Автореф. докт. диссерт., Л., 1968.

продемонстрированных в этих работах, А. М. Бабкин дает критический разбор лексико-фразеологического материала толковых и фразеологических словарей последнего времени, предлагает целый ряд ценных лексикографических рекомендаций, выявляет существенные ошибки в толковании слов и фразеологизмов.

Работы А. М. Бабкина по праву могут быть названы основополагающими в русской фразеографии: благодаря им заложены надежные теоретические основы для создания многотомного Академического толкового словаря русской фразеологии.

Исследования А. М. Бабкина помогут усовершенствованию нового Академического словаря русского языка, работа над которым ведется в Институте русского языка АН СССР. Ярким примером тому может служить анализируемый А. М. Бабкиным с точки зрения фразеологической слово *пенкосниматель* (стр. 71—79), содержание которого получало неточное и подчас неверное раскрытие в русских толковых словарях. В монографии дается целая серия подобных разборов. Тем самым автор убедительно доказывает, что полноценный толковый словарь русской лексики не может быть создан без фундаментальных фразеологических исследований.

В главе «Иноязычная фразеология» А. М. Бабкин сосредоточивает свое внимание главным образом на разряде фразеологизмов, вошедших в русский язык без перевода — прежде всего не на транслитерированных (типа *штупа унд драк, рот фронт*), а на нетранслитерированных (*alma mater, comme il faut, persona non grata, cogito ergo sum* и др.), которые по существу не получили научного освещения в русской лингвистике. А. М. Бабкин впервые показывает, что нетранслитерированные заимствования являются не чужеродными элементами в русском языке, а органически вошедшими (при этом в больших количествах) в его систему (стр. 218—220).

Процесс фразеологических заимствований, по мнению А. М. Бабкина, приводит к образованию международного фразеологического фонда (стр. 217); важную роль в его формировании играют прежде всего писатели, переводная литература. Интернациональные фразеологизмы широко представлены в русском языке. Примером широкого использования заимствованных фразеологизмов может служить язык работ В. И. Ленина.

Третья глава также имеет явно фразеографический уклон; А. М. Бабкин убедительно доказывает необходимость включения в словарь широкого круга заимствованных фразеологизмов, показывает типичные ошибки при их транслитерации, приводит ценные наблюдения над способами и путями внедрения их в русский литературный язык.

Высоко оценивая теоретический и практический вклад А. М. Бабкина в развитие фразеологии, мы не можем не высказать некоторые полемические соображения.

Исследователи фразеологии в настоящее время размежевались по вопросу об объекте этой дисциплины: одни относят к фразеологии только устойчивые сочетания, соотносительные со словом, другие — также и сочетания, соотносительные с предикативными конструкциями. А. М. Бабкин предлагает термин «фразеологическая единица» (и его эквивалент — фразеологизм) закрепить только за сочетаниями первого типа, хотя как фразеолог он не отказывается от анализа предикативных фразеологических единиц: им отведено место и в рецензируемой монографии, они включены в «Словарь иноязычных выражений и слов»¹⁴ и включаются в словарь крылатых слов и цитат, над которым исследователь работает в настоящее время. Но как лексиколог А. М. Бабкин против включения их в толковый фразеологический словарь и в фразеологию вообще. С первым можно согласиться: толковый фразеологический словарь можно создавать и объединенный (ср. словари А. В. Кузина, М. И. Михельсона и др.) и в двух вариантах — словарь фразем (таков словарь А. И. Молоткова) и словарь устойчивых фраз (например, словарь В. П. Жукова). Нельзя согласиться только с исключением устойчивых фраз из фразеологии, ибо, как писал А. И. Ефимов, «...фразеолог не должен глядеть на свой предмет исследования глазами лексиколога и копировать его методы»¹⁵.

Вместе с тем в работах А. М. Бабкина обнаруживается тенденция ограничить объект исследования экспрессивно-образной фразеологией, что также искусственно сужает границы фразеологического состава.

Вполне сознавая, что эти замечания в большой мере обусловлены иной позицией, занимаемой в данном вопросе рецензентом, считаем необходимым подчеркнуть, что различия в концепциях и методах исследования в современной лингвистике должны стать стимулом к активному сотрудничеству в поисках научной истины.

Работа А. М. Бабкина, написанная в лучших традициях русской классической лингвистики, представляет собой ценный вклад в науку о русском языке, в разработку его фразеологических ресурсов в

¹⁴ А. М. Б а б к и н, В. В. Ш е н д е ц о в, Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода, 1—2, М.—Л., 1966.

¹⁵ А. И. Е ф и м о в, Некоторые задачи изучения образной речи, «Р. яз. в шк.», 1960, 3, стр.

диахроническом плане, в создание основ русской фразеологии; она доступна и полезна не только для языковедов (особенно фразеологов и лексикографов), но и

для широкого круга читателей — учителя и журналиста, писателя и ученого, для всех любителей и ценителей русской словесности.

С. Г. Гавриш

«Древнетюркский словарь». — Л., изд-во «Наука», 1969. III—XXLXVIII+676 стр.

Большие достижения советской лексикографии в области тюркологии сказались не только в появлении серии новых переводных, толковых, диалектных словарей современных тюркских языков, но также и в репродуцировании фотомеханическим способом таких составивших эпоху словарей, как «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова, «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и др. Список научных словарей пополнился недавно вышедшим в свет «Древнетюркским словарем» (далее — ДТС). Этот переводно-толковый словарь, подготовленный коллективом выдающихся советских ученых, представляет собою вообще первый и единственный труд такого типа и объема и является оригинальной работой, имеющей важное значение для развития тюркологических и общепалеазиатских исследований в мировом масштабе.

ДТС — исторический словарь, он содержит материал, извлеченный из древнетюркских письменных памятников, главным образом, VII—XIII вв. Печатающийся в Великобритании словарь Дж. Клоусона¹ охватывает почти тот же период истории тюркских языков, но отличается от ДТС рядом особенностей.

В ДТС подытожены усилия, по крайней мере, трех поколений тюркологов. Долгая история его создания (она охватывает больше сорока лет, восходя к 1927 г., когда была начата, но несколькими годами позже оставлена, подготовка к переизданию словаря В. В. Радлова), несомненно, наложила отпечаток на ДТС.

В основу картотеки ДТС лег материал (стр. III—IV), накопленный в результате начатой под руководством и при участии С. Е. Малова работы по расписыванию ряда источников (была составлена картотека в несколько десятков тысяч словарных карточек).

В 1958 г. по инициативе А. К. Боровкова работа была возобновлена с намерением

составить древнетюркский словарь названного типа. А. К. Боровков возглавлял группу составителей вплоть до самой своей смерти в 1962 г. Авторами словарных статей являются девять сотрудников сектора алтайских языков (Т. А. Борова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин, Н. И. Летягина, В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Л. Ю. Тугушева, А. М. Щербак) и один сотрудник сектора тюркских языков (Э. Р. Тенишев) ИЯ АН СССР. Общую редактуру всех материалов осуществили В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. В разработке этимологий заимствованных слов, в подготовке работы к печати и в рецензентской работе приняли участие многие специалисты по тюркологии и другим областям знания (см. стр. V).

ДТС содержит: «Предисловие» (стр. III—V), «Введение» (стр. VI—XVIII), «Сокращения, употребляемые в Словаре» (стр. XIX—XX), «Список источников» (стр. XXI—XXIV), собственный корпус Словаря (стр. 1—643), приложение I: «Список слов с языковыми и диалектными пометами по словарю Махмуда Кашгарского» (стр. 644—648), приложение II: «Указатель грамматических форм (аффиксов и аналитических конструкций) по древнетюркским памятникам VII—XIII вв.» (стр. 649—688), приложение III: «Пагинация изданий словаря Махмуда Кашгарского на турецком и узбекском языках, соотнесенная с пагинацией факсимильного и наборного изданий рукописи» (стр. 689—672), приложение IV: «Addenda et corrigenda» (стр. 673—676).

Это перечисление само по себе дает представление о достоинствах ДТС, связанных, прежде всего с его объемом и охватом материала: все это позволяет сказать, что детальное обсуждение ДТС превышает возможности одного рецензента². Достоинства и недостатки этого научного труда во всех их деталях будут про-

¹ G. Clauson, *Etymological dictionary of the pre-13-century Turkish*, Oxford (в печати).

² Ср. также: Э. Н. Наджип, *Большое достижение советской тюркологии (к выходу в свет «Древнетюркского словаря»), «Народы Азии и Африки», 1970, 2.*